

Г. Соколович

Кровавые годы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Соколович**
Кровавые годы / Г. Соколович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-458-24052-9

Картины ужаса, насилия и произвола австро-венгерской армии над русским народом Прикарпатья в 1914-1914 гг.

ISBN 978-5-458-24052-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

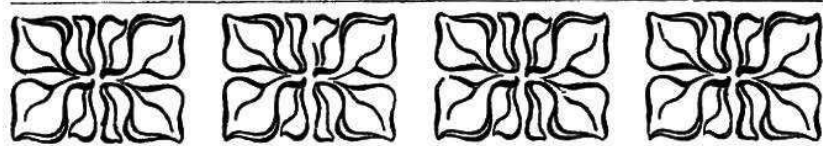
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Черная рада.

Гроза войны разгорѣлась. Адскій шумъ, клекотъ трескъ, вой охватили страну Прикарпатя. Безчисленные поѣзда исполняютъ гадкое дѣло, везутъ тыщи, тыщи здоровыхъ людей на ужасную смерть... Лихорадка войны охватила всѣхъ и звѣриные инстинкты, жажда крови наполнили сердца многихъ, многихъ. Народъ Прикарпатя переживаетъ время ужасныхъ гоненій, судьба испытываетъ самыхъ младшихъ дѣтей русской страны, на сколько они умѣютъ родную Русь любить... И ведутъ эшалоны интернированныхъ, арестованныхъ, наполняются тюрьмы — работы палачамъ по горло. Началась Голгофа русскаго Прикарпатя. Озвѣрѣвшимъ врагамъ и измѣнникамъ всего этого мало — у нихъ желаніе истереть изъ лица земли все, что русское, что пахнетъ Русью.

Карпаты. Среди шумѣющихъ лѣсомъ горъ, разсѣлась небольшая деревушка Я*.*. Тамъ уже больно замѣтная печать войны. Множество здоровыхъ мужчинъ всепоглощающіе поѣзда увезли въ солдаты — остались плачущіе жевы и дѣти, да старички. Священника и его двухъ

сыновей студентовъ, въ первые дни мобилизаціи, увезли куда то жандармы — въ грозный Терезинъ, въ злопамятный Талергофъ, въ тюрьму Венгрии или на висѣлицу — Богъ вѣсть.. За ними увезли десятокъ крестьянъ изъ тѣхъ, которые грамотой просвѣщали свой умъ.. Неопиуемое горе и печаль сковали мирное село карпатскихъ горъ.

Ночь. Темная, непроглядная ночь. Часовъ десять. Кругомъ темно, только на желѣзнодорожной станціи блеститъ свѣтъ фонаря — въ окнахъ зданія двигаются какіе то таинственные тѣни. Тамъ собралась „Черная рада“.

„Черная рада“ такъ называли крестьяне совѣтъ враговъ русскаго народа, служильцевъ австрійскаго императора. И собралась „Черная рада“. Предсѣдатель „панъ“, начальникъ желѣзнодорожной станціи, члены: мельникъ коюнистъ, что русскимъ кормился хлѣбомъ, учитель, народный измѣнникъ „мазепинецъ“ готовый за деньги и родную мать продать, еврей, неотмѣнная, вѣчная пьявка русскаго мужика — всего по вѣскольکو человекъ собрались на совѣтъ нечистивыхъ съ цѣлью рѣшить, кого еще въ деревнѣ опасенъ для Австро-Венгрии, кого нужно устранить..

— Ну чтожь? Кого? спросилъ начальникъ, прерывая молчаніе.

— Маѣ кажется, отвѣтилъ несмѣло еврей, что увезли уже всѣхъ. Десять мужиковъ, погъ съ словьями — значить, больше „руссфиловъ“ вѣтъ.

— Какъ вѣтъ? — прервалъ рѣзко „мазепинецъ“. — Я бы перевѣшалъ цѣлую деревню. Всѣ они „кацапы“ только и думаютъ, мечтаютъ

о томъ, чтобы русскій царь занялъ землю нашу, нашу Украину. Десятокъ мужиковъ и тѣ три головы — это мало — нада больше, чтобы доказать, что мы вѣрно служимъ Францъ Иосифу.

— Правда, — подтвердилъ начальникъ, это мало, при томъ тринадцать человекъ, плохое число, нужно пополнить — когонибудь... Совѣтуй, еврей. у тебя голова, ты все и всѣхъ знаешь; кто еще „руссофилъ“?

— Не знаю, — дрожа на цѣломъ тѣлѣ, отвѣтилъ еврей. Онъ не прочь былъ быть можетъ и назвать когонибудь, но приближающійся гулъ русскаго оружія заставлялъ его дрожать.

— А ты Лейба, что молчишь — спросилъ мельникъ, обращаясь къ второму еврею, сидѣвшему до сихъ поръ въ глубокомъ молчаніи.

— И я не знаю ничего сказать — отвѣтилъ тотъ, у меня на умѣ жена, дѣти и я не знаю, кто „руссофилъ“, всѣ они живутъ какъ люди...

— Да, что много разсуждать — рѣшилъ „мазепинецъ“ — изъ мужиковъ то нѣтъ грамотныхъ больше, но можно посмотрѣть, кого бы еще взять. Самое главное, головы нужно убить. Жаль, что попа и тѣхъ двухъ увезли жандармы, а то надъ ними мы сдѣлали бы судъ. Но слушайте, у попа есть еще два сына ихъ можнабы товося... и потянулъ рукой по шеѣ.

— Что вы, съ ума сошли, — запротестовалъ молчаливый еврей, — вѣдь это мальчики, дѣти — ихъ не убивать — грѣхъ,

— Грѣха здѣсь нѣтъ — запротестовалъ „мазепинецъ“, кацапское сѣмя нужно уничтожить въ зародышѣ, а то выростутъ и будутъ, какъ отецъ, сѣять здѣсь Русь и русскій духъ.

На время зашумѣла „Черная рада“, толкуя надъ предложеніемъ учителя. Наконецъ рѣшили мальчиковъ убить, а адское исполненіе продумалъ опять народный измѣнникъ „мазепинецъ“ и разошлись по домамъ.

На дворѣ стало еще темнѣе. Полночь уже прошла, не спится матушкѣ, горе, печаль разрывають ея сердце, что то зловѣщее предчувствуетъ ея нѣжная душа

Вдругъ, какъ будто кто то легко стукнулъ въ окно... Задрожала матушка всѣмъ тѣломъ, поднялась быстро и вслушалась въ темную глушь ночи.

Стучить, опять стучить, легосенько, еле слышно. Мать, давшая сыновъ родной Руси, быстро подошла къ окошку и смотреть. Подъ окномъ дѣйствительно темная фигура. Дрожитъ сердце материнское, замираетъ душа, сердце бьется молотомъ и дышать тяжело, все на перемѣсь.

Темная фигура подняла руку и опять легосенько стучить въ окно. Дрожа на цѣломъ тѣлѣ матушка потихонько открываетъ окно.

— Тсъ — сказала темная фигура. — Богъ съ вами матушка, не бойтесь. Тихо. Пустите меня — важное, секретное сообщеніе.

Черезъ минуту темная фигура вошла въ комнату.

— Тихо — начала темная фигура — это я, Лейба. Не бойтесь, я еврей, но Бога имѣю въ сердцѣ... Я не могу допустить до того, что готовится. Будьте бодры и слушайте. Я былъ сегодня на „Черной радѣ“. Тамъ рѣшили неслыханное злодѣйство — убить вашихъ дѣтей... Моя совѣсть не разрѣшаетъ быть мнѣ

убійцей неповинныхъ дѣтей и я пришелъ сказать вамъ все. Дѣтей изъ дому не пускайте ни на шагъ. Понимаете? Завтра придетъ къ вамъ старая Гапка и будетъ звать дѣтей, чтобы пошли прогнать воровъ, которые будто воруютъ вашу картошку, знаете, тамъ возлѣ желѣзнодорожного моста, куда нужно по подѣ мостъ проходить. На мосту будетъ стоять два солдата и если ваши дѣти придутъ подѣ мостъ, ихъ пострѣляютъ... Такъ рѣшено сегодня на „Черной радѣ“. Не бойтесь, Богъ съ вами, дѣтей держите дома и никому ни слова чтобы никто не зналъ, что я вынесъ тайну „Черной рады“, а если, не дай Богъ, случится мнѣ какая бѣда, помните меня... Спокойной ночи! — И темная фигура, молчаливый Лейба, члევъ „Черной рады“ безъ шума, потихонько ушелъ.

Долго несчастная русская мать не могла прийти въ себя — мысли путались — ужасъ австрійскаго произвола не разрѣшалъ ей собрать мысли.

— Боже, Боже — прошептали горячіе уста матери, что творится? Что будетъ дальше? Боже! Вознагради еврею, у котораго есть въ душѣ Богъ, а въ груди человѣческое сердце!

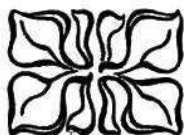
Утренняя заря стала разгораться, а глаза матери не знаютъ еще сна, они потапаютъ въ морѣ горькихъ слезъ... Мать ждала, чтобы, когда пробудятся дѣти, сказать имъ ужасное сообщеніе, не пустить ихъ на дворъ, гдѣ на каждомъ шагу угрожаетъ ихъ юной жизни грозная смерть.

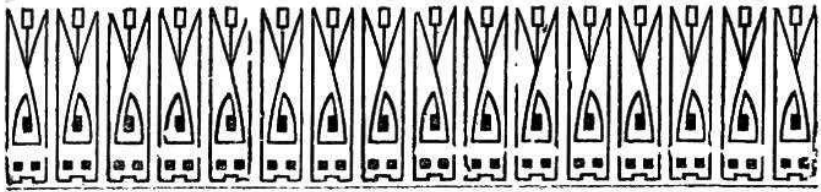
Въ часовъ десять дня ночное извѣщеніе честнаго еврея сбылось. Явилась старая Гапка

и звала дѣтей идти защищать картошку передъ ворами.

— Пусть творится воля Всевышняго, — отвѣтила ей матушка, — сейчасъ война, не намъ беззащитнымъ бороться съ ворами... Пусть воруютъ, — Богъ намъ поможетъ.

И дѣти остались дома. Миссія пьяницы Гапки не вѣнчалась успѣхомъ, не сбылись и мечты „мазепинца“ видѣть убитыхъ „кацапскихъ“ дѣтей.

Дѣдушка.

Въ старинномъ, княжескомъ, столичномъ градѣ земли Галичской, во Львовѣ, не смогли убить русскаго духа. Онъ жилъ, переживалъ самое грозное время гоненій, пережилъ крещеніе на Лембергъ, но все-же остался русскимъ Львовомъ, градомъ князя Льва. Не было и не будетъ такой силы, которая смогла бы сдѣлать его не русскимъ. Онъ былъ, есть и будетъ русскимъ, хотя судьба и передаетъ его въ чужіе руки, бросаетъ подъ власть деспотовъ. Что пришлось пережить родному Львову подъ скипетромъ австрійскихъ деспотовъ, нельзя пересказать, — рассказалибъ развѣ молчаливыя, повурья стѣны старыхъ строеній, величавые русскіе храмы, могильные кресты, старинный архивъ, все, что предано исторіи изъ временъ славы, величія русскаго княжества — это только въ состояніи передать современнымъ и грядущимъ поколѣніямъ то, что было... Но не о старомъ времени берусь писать. Бросаю на бумагу только отдѣльные картины, моменты изъ временъ грозы, изъ кровавыхъ дней, которые вотъ еще у всѣхъ на глазахъ,

Въ жаркій, лѣтній день закипѣла жизнь въ стѣнахъ русской духовной семинаріи. Бого-слова, выдержавъ экзамень, складываютъ свое студенческое имущество, болтая и хохоча приготавливаются выѣхать къ роднымъ, въ карпатскіе горы, въ равнины Галича, на отдыхъ, на каникулы. И весело и радостно въ этой юной средѣ. Ужь до часамъ, по минуткамъ считаютъ они, когда настанетъ время отъѣзда. Ахъ, какая сладкая, какая радостная встрѣча родныхъ, послѣ цѣлогодичныхъ студій въ городѣ! Есть ли чтонибудь пріятнѣе для людей этого возраста? Навѣрно нѣтъ!

Въ наполненную хохотомъ, весельемъ комнату вбѣжалъ взволнованный, красный отъ бѣга богословъ, какъ разъ окончившій курсъ, Миша. Всѣ сразу такъ и замолчали, устремивъ любопытные взоры къ вошедшему, обыкновенно тихому, уравновѣженному своему другу. Всѣ поняли, что случилось что то несбыкновенное. У всѣхъ забились сердца.

— Друзья! — началъ, немного отдохнувъ, Миша, — война объявлена! Только что расклеили мобилизаціонный приказъ. Вотъ экстренный номеръ газеты — читайте!

Всѣ бросились на листъ бумаги, изъ которой узнали, что война дѣйствительно объявлена. Австро-Венгрія въ своей кровавой алчности посягнула вражеской рукой на маленькую Сербію. Чтобы отомстить за убійство одного изъ деспотовъ, пойдутъ тысячи, миллионы людей убивать другъ друга, и польется неповинная кровь, вырастутъ неисчислимыя могилы, останутся сироты, вдовы, калѣки... изъ-за одного деспота

На минутку воцарилась гробовая тишина. Всѣ молча смотрѣли другъ на друга и не находили словъ для разговора.

— Насъ это не касается, — прервалъ молчаніе Коля, — насъ, говорю, это не касается мы на войну не пойдѣмъ, такой вѣдь законъ.

— Пойдѣмъ, не пойдѣмъ, — отвѣтилъ Саша, — но по закону тсже и насъ возьмутъ на службу по лазаретамъ. Не даромъ же держали санитарный курсъ, мѣсяца два тому назадъ.

И стали молодые люди спорить, кто долженъ поступать на службу, а кто нѣтъ. Подъ всеобщій шумъ спорящихъ, дверь медленно открылась и среди юныхъ, разгорѣвшихся лицъ оказалось почтенное, милоелицо старичка, голова котораго была покрыта свѣжно бѣлымъ волосомъ, лицо духовника семинаріи, всѣми любимаго священника Д.*.*.

— „Дѣдушка! — вскрикнули всѣ, замѣтивъ вошедшаго къ нимъ любимаго настоятеля, — Вы слышали? Война объявлена!

— Святъ, святъ, святъ, — проговорилъ старичокъ, ознаменовавъ святымъ крестомъ, изумился, не повѣрилъ.

Студенты разъяснили и рассказали своему дорогому учителю, котораго ужъ многіе годы изъ любви называли „дѣдушкой“, все, что только узнали; прочитали и газету.

— Святъ, святъ, святъ — повторилъ старичокъ, выслужавъ и подумавъ немного. — Сбываются слова старыхъ людей... польется море русской крови, задрожитъ земля родная, заплачетъ не одна мать, не одна невѣста... Приближаются дни испытанія русскаго народа...

— Дѣдушка, — пояснилъ Миша, — это война не съ Россіей, а съ Сербіей...

— Дѣти — возразилъ старичокъ. — это все равно, это только начало кроваваго пира... польется море русской крови... За Сербію заступится Россія...

— А кудажь Вы, дѣдушка намѣрены поѣхать — спросилъ Коля. Въ городѣ будете ждать войны?

— Нѣтъ — отвѣтилъ подумавъ дѣдушка, — въ деревню собираюсь, еще завтра. Поѣду въ родные Карпаты, тамъ тихо и навѣрно гуль кровавой брани не докатится въ дремущіе лѣса нашихъ милыхъ Карпатъ.

Черезъ два дня опустѣло здачіе духовной семинаріи, чтобы скоро наполниться кричащей толпой солдатъ и стономъ контуженныхъ участниковъ войны. Война скоро разгорѣлась и плоды кровавой, противной жатвы скоро были налицо.

Дѣдушка и въ Карпатахъ не нашелъ мира. Дикій ревъ войны ежедневно все ближе и ближе подходилъ къ дремучимъ горамъ. Гуль оружія мѣшалъ старичку читать святыя молитвы. Жандармы, то и дѣло, ежедневно „посѣщали“ старичка, смотрѣли и узнавали что онъ дѣлаетъ, зачѣмъ шагаетъ по саду держа большую книгу въ старческихъ рукахъ.

Солнце только что омылось равней росой и ясними, благодатными лучами облило землю, а дѣдушка съ святой книгой въ рукѣ ходитъ по саду и читаетъ псалмы. Вдругъ зашумѣло въ мирной деревнѣ. По дорогѣ потянулись длинныя колонны спѣшно проходящихъ солдатъ, проскакали драгуны и уланы, прогре-